

КЛИФФОРД
САЙМАК

МАСТОДОНИЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Мастодония

ГЛАВА 1

Где-то заскулил пес, и я, толком не проснувшись, привстал в кровати. В спальню проник призрачный луч рассвета, выхватил из темноты стоптанный ковер, старенький комод, одежду за открытой дверцей гардероба.

— Что такое, Эйза?

Я повернулся, увидел на кровати Райлу и спросил себя, как вышло, что после стольких лет она здесь, рядом.

А потом вспомнил, хоть и смутно.

Снова заскулил пес, теперь ближе, и я понял, что ему больно и страшно.

Мало-помалу я вылез из постели, схватил брюки и поелозил ногами по полу в поисках шлепанцев.

— Это Бублик, — сказал я Райле. — Вчера так и не вернулся. Я думал, он сурка нашел.

Бублик им прохода не дает. Как почует сурка, пиши пропало: до центра Земли докопается, дурья башка. Обычно я забираю его со двора, но вчера приехала Райла, и мне недосуг было его искать.

Я вышел на кухню. Бублик подвывал на крыльце. Я открыл дверь, и вот он, мнетя на пороге, а из лапы торчит деревяшка.

Я нагнулся, приобнял его и завалил на бок — посмотреть, что там. Оказалось, в задней лапе у него не деревяшка, а что-то вроде дротика с каменным наконечником. Вернее, не в лапе, а чуть выше, в бедре. Бублик поглядывал на меня и жалобно повизгивал.

— Что такое, Эйза? — спросила Райла, стоя в дверях.

— Поранили его, — сказал я. — Дротиком.

Она быстро вышла на крыльцо, обогнула нас двоих и спустилась по ступенькам на землю.

— Смотри, наконечник проник не до конца. Еле держится.

Схватила за древко, ловко выдернула дротик, Бублик истошно взвизгнул и снова заскулил. Его била дрожь. Я взял пса на руки и отнес на кухню.

— В зале кушетка, на ней одеяло, — сказал я Райле. — Принесишь? Сделаем ему подстилку в углу. — Повернулся к Бублику. — Ну тише, тише. Ты дома, все хорошо. Мы тебя вылечим.

— Эйза!

— Я тут.

— Это фолсомский наконечник. — Она показала мне дротик. — Как он оказался в лапе у твоей собаки?

— Чей-то неслух отличился, — ответил я. — Пацаны, они же сущие дьяволята.

— Глянь, как он крепится к древку, — усомнилась Райла. — Мальчишка так не сумел бы.

— Одеяло носи, — напомнил я. — Пожалуйста.

Она положила дротик на стол и ушла за одеялом. Принесла, свернула вдвое, встала на колени, постелила одеяло в углу, и я опустил на него Бублика.

— Все нормально, друг, мы тебя подлечим. Ранка неглубокая.

— Эйза, ты не понял? Или не слышал?

— Все я слышал, — сказал я. — Фолсомский наконечник. Был в ходу у палеоиндейцев. Десять тысяч лет назад. Впервые найден в костях доисторического бизона.

— Более того, — добавила Райла, — древко обработано скреблом. По древней технологии.

— Да, знаю, — кивнул я. — Не хотел тебя смущать, но раз уж мы затронули эту тему... Бублик, как видно, путешествует во времени. Однажды приволок домой кости динозавра...

— Зачем собаке кости динозавра?

— Ты не поняла. Не окаменелости. Свежие кости. Даже не заветрились. На них остались кусочки мяса. И принадлежали они не крупному динозавру. Размером с собаку. Может, чуть больше.

Но Райла пропустила мои слова мимо ушей.

— Возьми ножницы: надо состричь шерсть вокруг раны. И еще нужна теплая вода, чтобы промыть. Где у тебя аптечка?

— В ванной. Справа от зеркала. — Она пошла за водой, и я окликнул: — Райла?

— Что?

— Хорошо, что ты здесь.

ГЛАВА 2

Она явилась прямиком из прошлого. До вчерашнего вечера я не видел ее двадцать лет.

Я сидел перед домом в шезлонге под раскидистым кленом, когда на подъездную дорожку свернула большая черная машина. Еще по-

думал с ленцой: «Кого черти принесли?» Сказать по правде, в последнее время не особо хотелось кого-то видеть. Я научился ценить одиночество, а чужие... чужим тут, мягко говоря, не рады.

Машина остановилась у ворот, и Райла вышла из нее. Я встал и направился к огаде, а она открыла ворота и зашагала мне навстречу. На полпути я узнал ее. Увидел в этой стройной, гибкой, хорошо одетой женщине девушку, которую знал двадцать лет назад. Но все равно не поверил, что это она. За долгие годы воспоминаний я привык видеть эту девушку в каждой красивой женщине.

— Райла? — позвал я, превратив это в вопрос. — Райла Эллиот?

Она тоже остановилась в десяти футах от меня и посмотрела так, словно сомневалась, что перед ней Эйза Стил. Наконец сказала:

— Эйза, это и впрямь ты. Теперь вижу. На днях говорила с приятелем, и он сказал, что ты перебрался в здешние края. Я-то думала, ты до сих пор живешь в том несуразном домишке на западе. И дня не прошло, чтобы я о тебе не вспомнила...

Она никак не умолкала. Наверное, от смущения.

Я подошел к ней.

— Эйза, — сказала она, — сколько же лет прошло...

После чего оказалась в моих объятиях — чудеса, да и только. Женщина, вышедшая из большой черной машины тем висконсинским вечером, шагнула сквозь два десятилетия; оставалось разглядеть в ней хохотушку с раскопок на Ближнем Востоке, где мы вкалывали как проклятые, разгадывая тайны древних курганов (не имевших, как оказалось, никакой ценности); я копал и просеивал песок, а она пыталась идентифицировать черепки и прочий древний хлам, разложенный на длинных столах. Время жаркое, пыльное, мимолетное. Днем мы трудились бок о бок, а ночью спали вместе, если получалось ускользнуть от остальных, хотя ближе к концу, помнится, мы осмелели, поскольку никто не обращал на нас внимания.

— Я уж не надеялся на встречу, — сказал я. — Вернее, надеялся, но не рискнул бы тебя беспокоить. Уболтал себя: мол, Райла уже не помнит меня и ей все равно, объявлюсь я или нет. Конечно, она будет сама вежливостью, и мы мило побеседуем, но темы будут дурацкие, разговор неискренний, а потом все, конец. Я не хотел, чтобы все так закончилось. Это же крест на воспоминаниях... ну, сама понимаешь. По слухам, лет десять назад ты занялась каким-то импортом-экспортом, а потом я не знал, где тебя искать...

Она крепко обняла меня, подняла лицо для поцелуя, и я поцеловал ее. Пожалуй, без былого волнения. Скорее, с чувством глубокой благодарности, что мы снова вместе.

— Я по-прежнему в бизнесе, — подтвердила она. — Импорт-экспорт? Можно и так сказать. Но это ненадолго. Хватит с меня, надоело.

— Что же мы стоим? — спросил я. — Как-то странно даже. Пойдем под дерево, присядем. Здесь хорошо. По вечерам я часто тут сижу. Хочешь, принесу чего-нибудь выпить?

— Потом, — отказалась она. — Тут так спокойно...

— Тихо, — сказал я. — Безмятежно. Спокойно? В университетском городке, допустим, тоже спокойно, но здесь покой иного рода. Я почти год как живу в этом покое.

— Ушел из университета?

— Нет. Творческий отпуск. Предполагается, что я пишу книгу. Честно говоря, ни строчки не написал, да и не планировал. А после отпуска уволюсь. Наверное.

— Это место... Как оно называется? Уиллоу-Бенд?

— Нет, Уиллоу-Бенд — городок, через который ты проезжала. Когда-то я там жил. У отца был магазин фермерских товаров на окраине. А эта ферма принадлежала человеку по фамилии Стритер. Здесь сорок акров. В детстве я бродил по лесам, охотился, рыбачил, исследовал эти места. И сюда забредал, обычно с друзьями. Стритер не возражал. Его сын прибил к нашей компании. Хью, по-моему. Примерно моего возраста.

— А твои родители?

— Отец давно ушел на покой. Переехал в Калифорнию. У него там брат, у матери несколько сестер на побережье. А я вернулся и купил эту ферму. Лет пять назад. Только не начинай про возвращение к корням, хотя с этим местом, Уиллоу-Бендом и окрестностями, у меня связаны самые приятные воспоминания.

— Но если это не возвращение к корням... Почему именно Уиллоу-Бенд? И эта ферма?

— Есть тут кое-что любопытное. Надо было вернуться и отыскать. Потом расскажу, если интересно. Давай лучше о тебе. Бизнес, говоришь?

— Ты будешь смеяться, — ответила она, — но я занялась доисторическими артефактами и окаменелостями. Начала с малого, но дело пошло в гору. Плюс камнесамоцветное сырье, ну и так далее. Археолог из меня не получился, палеонтолог тоже... Хоть какой-то прок от учебы. Лучше всего продаются черепа мелких динозавров, трилобиты — если они хорошо сохранились — и фоссилии рыб на камнях. Не поверишь, сколько можно выручить за удачный образец. И даже не самый удачный. Пару лет назад одна компания — она производит сухие завтраки — предложила вкладывать в упаковку сюрприз: кубик из кости динозавра. Знаешь, где мы взяли эти кости? Разработали пласт в Аризоне. С помощью бульдозеров и фронтальных погрузчиков. Выкопали сотни тонн костей, а потом рас-

пилили их на крошечные кубики. Знаешь, мне до сих пор немного стыдно. И не потому, что мы нарушили закон. Нет, земля принадлежала нам, и с юридической точки зрения все было чисто, но сколько там погибло бесценных фоссилий... Подумать страшно.

— Может, и так, — заметил я, — но деловые люди, похоже, не особо нуждаются в услугах археологов. Не говоря уже о палеонтологах.

— Напротив, — возразила Райла, — я высоко ценю таких специалистов. Помнишь, я хотела стать одной из вас, но не сложилось. Могла бы годами ездить на раскопки — ну, как мы с тобой, в том Богом забытом местечке в Турции. Все лето копать, классифицировать, каталогизировать... После раскопок месяцами сидеть за классификаторами и каталогами, а между делом читать лекции придурам-второкурсникам. Но издала бы я монографию? Черта с два. Чтобы чего-то добиться, надо работать в Йеле, Гарварде или Чикаго. И даже в этом случае пройдут годы, прежде чем на тебя обратят внимание. Да и то если повезет. На самой верхушке нет свободных мест. И не важно, сколько ты вкалываешь и как упорно выбиваешься в люди. Все места застолбили толстосумы и хапуги, помешанные на всеобщем признании. Их оттуда с ружьем не выгонишь.

— Со мной примерно то же самое, — признался я. — Преподаю в заштатном университете. Ни исследований, ни денег даже на мелкие раскопки. Время от времени выпадает шанс попасть в крупный проект, если успел подать заявление и готов горбатиться. Только не подумай, что я жалуясь. Какое-то время мне было все равно. В университетском городке комфортно и безопасно. Там я чувствовал себя на своем месте. Когда ушла Элис... кстати, ты знаешь про Элис?

— Да, — ответила она. — Знаю.

— Честно говоря, я не был против. В смысле, что она ушла. Но наш разрыв ударил по самооценке, и я подумал, что надо бы исчезнуть на какое-то время. Спрятаться. Нет, не здесь, и я уже переболел.

— У тебя есть сын.

— Да. Его зовут Роберт. Наверное, он в Вене. С матерью. Или где-то в Европе. Элис ушла к дипломату. Профессиональному, не политикану.

— Ну а мальчик?

— Роберт? Поначалу жил со мной. Потом захотел к матери, и я не стал его удерживать.

— Я так и не вышла замуж, — сказала она. — Сперва некогда было, а потом незачем.

Какое-то время мы сидели молча. На землю напозлали сумерки. От бесформенных зарослей, заполонивших угол моего двора, тяну-

ло ароматом сирени. По траве степенно разгуливал дрозд, то и дело останавливался и смотрел на нас стеклянным глазом.

— Дураки мы с тобой, Райла. — Не знаю, почему я это сказал. Вроде не собирался. Само вырвалось. — Так и не поняли, что было между нами.

— Поэтому я и приехала, — сказала она.

— Останешься? Надо о многом поговорить. Могу позвонить в мотель. Хорошим его не назвать, но...

— Нет, — перебила она, — поживу у тебя. Если ты не против.

— Хорошо, — кивнул я. — Посплю на кушетке.

— Эйза, — взглянула на меня Райла, — хватит джентльменствовать. Мне это не надо. Я же сказала, поживу у тебя. Что тут непонятного?

ГЛАВА 3

Мы сели завтракать. Бублик тихо лежал в углу и сверлил нас страдальческим взором.

— По-моему, он идет на поправку, — заметила Райла.

— Никуда не денется, — сказал я. — Оглянуться не успеешь, как все зарастет.

— Давно он у тебя?

— Бублик? Много лет. Был флегматичный городской пес, чинный и очень воспитанный. На прогулках, бывало, интересовался птичками, но без фанатизма. А после переезда его не узнать. Тот еще фокусник. К тому же помешался на сурках. Пытается их выкопать. Почти каждый вечер приходится искать его и вытаскивать из норы, а сурок знай себе пищит, подзуживает — мол, глубже копать надо! Вот и вчера я думал, что Бублик убежал за сурком.

— Думал он... Бросил собаку во дворе — и смотри, что вышло.

— Ну, у меня были дела поважнее, и я решил, что ночь на свежем воздухе ему не повредит.

— Эйза, это определенно фолсомский наконечник. Я вижу его не впервые. Такие наконечники сразу бросаются в глаза. Говоришь, Бублика подстрелил чей-то неслух? Никакой мальчишка не сумел бы прикрепить наконечник к древку тем способом, которым он прикреплен. И еще ты упоминал кости динозавра.

— Я же говорил, что Бублик путешествует во времени, — сказал я. — Как бы невероятно это ни звучало.

— Да, Эйза Стил, это невероятно. Никто не способен путешествовать во времени. Ни человек, ни тем более собака.

— Ну хорошо. В таком случае откуда взялись свежие кости динозавра?

— Может, это были кости другого животного.

— Милая моя, мне ли не знать, как выглядят кости динозавра. В колледже я преподавал палеонтологию, и динозавры для меня — что-то вроде хобби. Я прочел все труды, которые смог достать, а однажды мы ставили экспонат в музей, и я сам собирал этот чертов скелет. Всю зиму соединял косточки, а если чего не хватало, вытачивал искусственные фрагменты и красил так, чтобы нас не обвинили в подлоге.

— Но свежие?!

— С остатками мяса, хрящей и сухожилий. Подтухшие. И от Бублика пахло не лучше. Наверное, нашел гниющую тушку, а потом извалялся в ней, чтобы собрать дивный аромат. Я три дня его отмывал. Воняло так, что в дом не впустить.

— Ну ладно, как скажешь. И как ты все это объяснишь?

— Никак. Я уже зарекся что-либо объяснять. Поначалу крутил в голове мысль, что несколько мелких динозавров дожили до наших дней, один сдох, а Бублик его нашел. Но смысла в этом не больше, чем в путешествиях во времени.

В дверь постучали.

— Кто там? — крикнул я.

— Это Хирам, мистер Стил. Я к Бублику.

— Открыто, — сказал я. — Бублик в углу. С ним беда приключилась.

Вошел Хирам — и тут же попятился, увидев за столом Райлу.

— Могу позже зайти, мистер Стил. Просто Бублика не было во дворе...

— Не переживай, Хирам, — успокоил его я. — Даму зовут мисс Эллиот. Она моя подруга. Мы давно не виделись.

Он сделал пару неловких шагов, сорвал с головы кепку, обеими руками прижал ее к груди.

— Рад знакомству, мисс. Это чья там машина, ваша?

— Да, моя, — ответила Райла.

— Большая, — сказал Хирам. — Никогда не видел такой большой машины. И блестит красиво. В нее смотреться можно прямо как в зеркало.

Он бросил взгляд в угол, поспешно обогнул стол и опустил на колени рядом с Бубликом.

— Что с ним такое? Гляньте, с ляжки вся шерсть вылезла.

— Это я выстриг, — объяснил я. — Пришлось. Кто-то пустил в него стрелу.

Объяснение не вполне истинное, но достаточно простое, чтобы Хирам все понял и не лез с вопросами. Он знал, что такое стрела. Почти все городские мальчишки забавляются с луком и стрелами.

— Сильно его поранили?

— Не очень.

— Все равно нельзя так делать. — Хирам наклонился и обнял Бублика за шею. — Стрелять по собакам. Как это вообще можно — по собакам стрелять?

Бублик, напрашиваясь на сочувствие, легонько застучал хвостом и лизнул Хирама в нос.

— Тем более по Бублику, — добавил Хирам. — Он же самая лучшая собака.

— Кофе будешь, Хирам?

— Нет. Вы ешьте, а я тут с Бубликом посижу.

— Давай хоть яичницу зажарю.

— Нет, спасибо, мистер Стил. Я уже завтракал. Зашел к преподающему Джейкобсону, и он меня накормил. Оладьями и сосисками.

— Ну ладно, — согласился я, — тогда побудь с Бубликом, а я продемонстрирую мисс Эллиот свои угодья.

Когда мы отошли на приличное расстояние от дома, я сказал Райле:

— Ты его не бойся. Хирам неплохой парень. Безобидный. Городские вроде как взяли над ним шефство. Он ходит по домам, и люди его подкармливают, так что он не голодает.

— Ему что, жить негде?

— Есть у него хижина на берегу, но он там почти не бывает. Любит навещать друзей. Они с Бубликом большие друзья.

— Это я уже поняла, — сказала Райла.

— По словам Хирама, они беседуют: он говорит что-то Бублику, а тот отвечает. И не только Бублик. Хирам водит дружбу со всеми животными. И с птицами тоже. Сидит во дворе и говорит с каким-нибудь безмозглым дроздом, а тот склонит набок голову и слушает. Иной раз кажется, что дрозд и правда его понимает. Хирам ходит в лес — проведать белок и кроликов, сурков и бурундуков. Ругает Бублика за неприязнь к суркам. Говорит, что лучше их не трогать. Тогда сурки сами выйдут поиграть.

— Слова простодушного человека. Если не сказать дурачка.

— О да, несомненно. Но таких людей на свете хватает, и не только в деревнях.

— Так говоришь, будто он тебе нравится.

— Скорее, не раздражает. Он безвредный. Ты правильно сказала: простодушный человек.

— Но Бублику он нравится, это уж точно.

— Бублик от него без ума, — согласился я.

— Ты говорил... по-моему, говорил, что здесь сорок акров. Ну скажи, зачем такому, как ты, сорок акров земли?

— Оглянись, — сказал я. — Может, поймешь. Послушай, как птицы поют. Глянь вон туда, на старый яблоневый сад. Посмотри, как он цветет. Яблоки там неважные, по большей части мелкие и червивые. Наверное, можно чем-нибудь опрыскать, но это серьезная морока. Люди, однако, уже не помнят, а то и вовсе не знают, каковы на вкус эти яблоки, пусть даже мелкие и червивые. Там есть старое дерево сорта «фамюз» и пара-тройка «рассетов». Попробуй при случае. Вкуснее не бывает.

— Ты, верно, шутишь, — рассмеялась она. — Ты всегда надо мной подшучивал. Мягко, спокойно, беззлобно... Ты здесь не для того, чтобы слушать птиц и грызть всеми забытые яблоки. Нет, отчасти поэтому, но лишь отчасти. Вчера ты упоминал какие-то поиски, но так и не сказал, что ищешь.

— Пойдем. — Я взял ее за руку. — Устрою тебе экскурсию.

Тропинка вела за побитый дождями сарай с просевшей дверью, по краю неухоженного фруктового сада, по кромке давно запущенного поля, заросшего сорной травой и окаймленного деревьями, и заканчивалась перед углублением в земле.

— Это карстовая воронка, — объяснил я. — Провал. По крайней мере, раньше я думал, что это провал.

— У тебя тут раскопки, — заключила Райла, глядя на выкопанные мною траншеи, и я кивнул:

— Местные держат меня за полоумного. Поначалу думали, что я кладоискатель. Но сокровищ я не нашел, и все остановились на том, что я полоумный.

— Ничего ты не полоумный, — заявила Райла, — и никакой это не провал. Давай рассказывай, что это за воронка.

Я сделал глубокий вдох и начал:

— Думаю, это кратер от столкновения с космическим кораблем. Как давно он здесь? Одному Богу известно. Я нашел тут кусочки металла. Маленькие, по ним ничего не понять. Корабль, если это вообще был корабль, врезался в почву на невысокой скорости, гораздо меньшей, чем скорость метеорита. В ином случае железки оплавилась бы и потеряли форму. Силы удара хватило, чтобы оставить здоровенную дырку в земле, но признаков плазменной реакции я не обнаружил, а сам этот предмет, чем бы он ни являлся, ушел глубоко под землю. В этом я совершенно уверен.

— Ты бывал здесь раньше, еще в детстве?

— Так точно, — кивнул я. — В этих краях полно так называемых минеральных каверн. Тут повсюду свинец. В свое время здесь были шахты — небольшие, но вполне функциональные. Сотню лет назад что у нас, что по соседству было не протолкнуться от старателей.

В поисках месторождений пробурили множество разведочных скважин. С тех пор каждое найденное отверстие считают минеральной каверной. Разумеется, это не так.

В детстве мы с приятелями думали, что это естественная воронка. Летом, бывало, приходили сюда с лопатами, а старикан, который растил здесь овощи, был не против. Все шутил: ну вот, мол, опять шахтеры пожаловали. Но руды мы не нашли. Зато выкопали несколько странных металлических фрагментов. На вид ничего особенного, и вскоре мы потеряли интерес, но мне часто вспоминались те железки, и чем больше я думал, тем яснее понимал, что мы нашли обломки космического корабля. Потому и вернулся. Сделал вид, что меня потянуло к пейзажам детства. Узнал, что ферму выставили на продажу, и сразу купил ее вроде как под влиянием момента; будь у меня время на раздумья, наверное, отказался бы от этой затеи. Иной раз кажется, что я сделал глупость. Хотя мне тут нравится.

— По-моему, это прекрасно, — сказала Райла.

— Да? Правда? — удивился я.

— Подумать только, космический корабль с далекой планеты...

— Ну, это не факт.

Она придвинулась, встала на цыпочки и чмокнула меня в щеку.

— Факт не факт — какая разница? Главное, ты не разучился мечтать и убедил себя, что здесь лежит космический корабль.

— Как-то странно слышать такие слова от практичной деловой женщины.

— Я занялась бизнесом, чтобы выжить, свести концы с концами. В душе я по-прежнему археолог, а люди этой профессии — закоренелые романтики.

— Знаешь, я ведь не сразу решился рассказать про корабль, — признался я. — Честно говоря, боялся, что ты сочтешь меня безответственным глупцом.

— Насколько ты уверен? Какие у тебя доказательства?

— Металлические обломки. Я отправил пару штук в университет на анализ. Оказалось, этот сплав неизвестен науке. Университетские сразу сделали стойку и давай спрашивать, откуда у меня эти обломки. Я объяснил, что подобрал их где-то в поле и хочу узнать, что это за металл. Пока что дела обстоят так: я тут хозяин и не желаю, чтобы университет совался в мои раскопки.

Некоторые обломки — просто куски металла. На других есть следы механической обработки. Никакой ржавчины, лишь легкое помутнение поверхности, словно металл отреагировал на длительный контакт с землей. Он очень твердый, почти как алмаз, но не хрупкий. У него невероятный предел прочности. Объяснения могут быть разные, но самое логичное — инопланетный космический ко-

рабль. Ничего лучше я не придумал. Постоянно одергиваю себя: надо сохранять объективность, оставаться в рамках научного подхода, нельзя седлать любимого конька и нестись куда придется...

— Эйза, перестань, ну о каком коньке речь? Да, в эту гипотезу верится с трудом, как и в доказательства... Но вот они, прямо перед тобой. Разве можно их игнорировать?

— В таком случае, — сказал я, — позволь рассказать кое-что еще. У меня есть... как бы правильнее выразиться... странный сосед. Да, такое определение ему вполне подходит, но здесь уже никаких доказательств, кроме ощущений и визуальных контактов. Рассмотреть его я так и не сумел, но не раз ловил на себе его взгляд и замечал мельком — не существо, а какие-то очертания, из-за которых кажется, что рядом кто-то есть. Именно кажется: пойми, я пытаюсь сохранять научную объективность. На чисто наблюдательном уровне я уверен, что он существует. Появляется в саду, но нечасто. Насколько понимаю, он шастает по округе.

— Другие его видели?

— Думаю, да. Время от времени кто-нибудь говорит, что испугался кугуара, — хотя не понимаю, почему люди боятся кугуаров. Наверное, это атавистический страх, а от него так просто не отделаешься. В сельской местности принято бояться медведей и пум. Это что-то вроде излюбленного развлечения.

— Может, тут и правда водятся кугуары.

— Сомневаюсь. Горного льва здесь не видели уже лет сорок, а то и больше. Дело в том, что существо, о котором идет речь, и впрямь похоже на большого кота. Один местный — занятый старик, нечто среднее между Даниэлем Буном¹ и Дэвидом Торо², всю жизнь провел в лесу — знает о нем больше остальных.

— И кто же, по его мнению, этот странный сосед?

— Нет никакого мнения — ни у него, ни у меня. Несколько раз мы беседовали и пришли к выводу, что не знаем, кто он такой.

— По-твоему, это существо как-то связано с космическим кораблем?

— Да, такой вывод напрашивается, но с большой натяжкой. Если допустить, что инопланетное существо выжило при столкновении с Землей, ему невероятно много лет. И вряд ли кто-то пережил бы подобную катастрофу — если она вообще была, эта катастрофа.

— Можно взглянуть на обломки? — спросила Райла.

— Запросто, — кивнул я. — Они в сарае. Зайдем на обратном пути.

¹ Даниэль Бун — американский первопоселенец и охотник.

² Дэвид Торо — американский писатель-натуралист.

ГЛАВА 4

Хирам сидел в шезлонге перед домом, а Бублик разлегся у его ног. В нескольких шагах от шезлонга стоял наглый садовый дрозд, воинственно разглядывая человека с собакой, покусившихся на его территорию.

— Бублик сказал, что на кухне скучно, — объяснил Хирам, — поэтому я вынес его на травку.

— Так он тебе на шею сядет, — заметил я. — Мог бы и сам выйти.

Бублик завил хвостом, словно просил прощения.

— Дрозду его жалко, — продолжил Хирам, хотя у птицы был не самый сочувственный вид. — А я свободен, так что занимайтесь своими делами. Поухаживаю за Бубликом, пока не выздоровеет. Днем и ночью, если придется. Когда ему что-то понадобится, он попросит, и я все сделаю.

— Ну ладно, ухаживай, — согласился я. — А мы займемся своими делами.

Просевшая дверь не сдалась без боя. Как-нибудь почию, пообещал себе я, работы на пару часов, всего-то и надо, чтобы руки дошли.

В сарае стоял застарелый запах конского навоза, а в углу я устроил мусорную свалку. Почти все пространство занимали два импровизированных стола — длинные доски на пильных козлах. На них я разложил кусочки металла, найденные в поле или выкопанные из кратера, а на дальний край второй конструкции водрузил две блестящие полусферы — их я обнаружил, когда разбирал в сарае залежи всякого хлама.

Райла подошла к первому столу, взяла зазубренный обломок металла, повертела его в руках и с удивлением признала:

— Надо же, и правда никакой ржавчины. Пара выцветших пятен, вот тут и тут. В сплаве есть железо?

— Довольно много, — подтвердил я. — Если верить парням из университета.

— Любой сплав ржавеет, если в нем есть железо. Один раньше, другой позже, но в итоге ржавчина возьмет свое из-за контакта с кислородом.

— Этим штукам больше века, — напомнил я. — Допускаю, что гораздо больше. Несколько лет назад в Уиллоу-Бенде отмечали столетний юбилей города, а кратер появился намного раньше. На дне слой перегноя толщиной в несколько футов. Он не мог возникнуть в одночасье. Чтобы сформировать фут почвы, нужны годы и множество опавших листьев.

— Не пробовал соединить эти фрагменты?